

ПРЕДИСЛОВИЕ АЛЕКСЕЯ ИСАЕВА

«Сумеречное состояние души», временное или постоянное помутнение рассудка является одним из удобных и распространенных объяснений принятия военных и политических решений неочевидной целесообразности. Часто журналисты и историки, подобно сценаристам посредственных голливудских фильмов, предлагают своим читателям душевные расстройства в качестве объяснений тех или иных ходов с катастрофическими последствиями. Мемуаристы еще чаще похлопывают по плечу или даже постфактум щедро раздают подзатыльники лидерам, перед которыми они трепетали в их бытность у кормила власти. Однако чаще всего это не более чем попытка найти простой ответ на сложный вопрос и стремление избежать глубокого анализа ситуации. В наибольшей степени увлечение личностным фактором принятия решений затронуло историю Третьего рейха. Местами действительно эксцентричное поведение Адольфа Гитлера, многократно усиленное пересказами из третьих рук, давало огромные возможности для перекалывания груза ответственности с факторов объективных на факторы субъективные. При этом критики решений «бесноватого фюрера» не всегда достаточно критически подходили к вопросу реализуемости теоретически правильных вариантов приказов и распоряжений. Тем более сложным оказывается понимание причинно-следственных связей событий для иностранцев, в том числе отечественного читателя.

Представляемый сборник статей в какой-то мере восполняет этот пробел, освещая военные и политические аспекты взлета и падения Третьего рейха глазами немецких

специалистов. В нем собраны исследования по широкому кругу вопросов: от производства вооружений до стратегических и политических аспектов Второй мировой войны.

Открывает сборник статья Х. Хембергера об экономике и промышленности Германии накануне и в ходе Второй мировой войны. Статья описывает ту титаническую работу, которая была проделана в 30-е годы с целью превращения Третьего рейха в автаркию, способную обходиться без импорта отдельных видов сырья и продовольствия. Вскоре после прихода Гитлера к власти был предложен и начал реализовываться план по замене нескольких стратегически важных видов сырья на синтетические аналоги. В первую очередь это касалось каучука и углеводородного топлива. В Третьем рейхе за счет масштабных государственных инвестиций в химическую промышленность было развернуто производство синтетического каучука и синтетического бензина. Хембергер прослеживает систему экономических и политических решений руководства Германии, позволивших сделать большой шаг к созданию способной существовать в условиях блокады автаркии.

Одновременно разрушается образ Германии как страны, испытывавшей тотальную нехватку всех видов природных ресурсов. Полное обеспечение внутренних потребностей углем позволяло тратить большие объемы этого топлива на производство синтетического горючего. Кроме того, ситуация значительно изменилась в сравнении с Первой мировой войной, не в последнюю очередь благодаря прогрессу технических средств ведения войны. В отличие от СССР, Германия не только покрывала свои потребности в алюминии и магнезии, но даже имела возможность экспортировать эти важнейшие для авиапромышленности материалы. Напротив, в Советском Союзе нехватка месторождений бокситов привела к широкому использованию дерева в качестве материала для производства самолетов. В 1930—1940 годах авиация стала одним из важнейших инструментов ведения войны. Природные ресурсы Германии создавали все возможности для производства высококачественных боевых самолетов. И терроризировавшие европейские города «хейнкели», и ставшие символом блицкрига пикирующие

бомбардировщики «Ю-87» «Штука», и «мессершмитты» были построены из «крылатого металла».

Цельнометаллические самолеты обладали несомненными преимуществами перед советскими машинами, в конструкции которых базовым материалом было дерево. Например, попадание 20-мм снаряда авиапушки в металлическое крыло не приводило к повреждениям, грозящим разрушением всей конструкции. Напротив, для деревянного крыла отечественного самолета времен войны такое же попадание грозило куда более серьезными последствиями. Деревянное крыло оказывалось тяжелее сопоставимого по прочности металлического, в условиях военного времени было тяжело выдерживать его геометрию и качество отделки. Все эти факторы сыграли свою роль в воздушной войне на Восточном фронте.

Более того, немецкие конструкторы могли позволить себе роскошь в виде использования алюминиевых сплавов не только в самолетостроении, но даже заменять ими сталь в лафетах орудий (в частности, на 150-мм тяжелом пехотном орудии «sIG-33») и производить из «крылатого металла» массивные понтоны для строительства наплавных мостов. Всем этим фактам не уделялось должного внимания в отечественной историографии. СССР объявлялся неисчерпаемой кладовой природных ресурсов, хотя это в целом не соответствовало действительности. Месторождений основного источника алюминия — бокситов — в СССР было очень мало, и страна испытывала жесточайший дефицит алюминия, который даже поставлялся по ленд-лизу из США.

Взгляд немецких историков также полезен с точки зрения понимания роли Советского Союза как субъекта большой европейской политики. Характерной чертой советской исторической школы было преувеличение значения СССР для Германии в качестве объекта для военной операции. «Молодое советское государство», вокруг которого подобно планетам вокруг Солнца с 1917 года вращались мировые сверхдержавы, стремившиеся во что бы то ни стало с ним расправиться, — это сильно искаженная картина мировой политики.

Другой немецкий историк, Ганс-Адольф Якобсен, работа которого включена в этот сборник, пишет: «Однако отнюдь не «жизненное пространство на Востоке», насильственное завоевание которого уже с 20-х годов пронизывало политические расчеты Гитлера, служило главным активизирующим моментом; нет, главным импульсом являлась наполеоновская идея разбить Англию, разгромив Россию».

Такой подход к проблеме возникновения плана «Барбаросса» не был характерен для отечественных историков, больше акцентировавших внимание на долгосрочных планах завоевания «жизненного пространства» и захвата природных ресурсов. Однако сам Адольф Гитлер сформулировал причины нападения на СССР в выступлении на секретном совещании в штабе оперативного руководства вермахта 9 января 1941 года следующим образом: «Англичан поддерживает надежда на возможность вмешательства русских. Они лишь тогда откажутся от сопротивления, когда будет разгромлена эта их последняя континентальная надежда. Он, фюрер, не верит в то, что англичане «безнадежно глупы»; если они не будут видеть никакой перспективы, то прекратят борьбу. Если они проиграют, то никогда не найдут в себе моральных сил сохранить империю. Если же они смогут продержаться, сформировать 30—40 дивизий и если США и Россия окажут им помощь, тогда создастся весьма тяжелая для Германии обстановка. Этого допустить нельзя.

До сих пор он [Гитлер] действовал по принципу наносить удар по важнейшим позициям противника, чтобы еще на один шаг продвинуться вперед. Поэтому теперь необходимо разгромить Россию. Тогда либо Англия сдастся, либо Германия будет продолжать борьбу против Англии при самых благоприятных условиях. Разгром России позволит также и Японии обратить все свои силы против США. А это удержало бы последние от вступления в войну.

Особенно важен для разгрома России вопрос времени. Хотя русские вооруженные силы и глиняный колосс без головы, однако точно предвидеть их дальнейшее развитие невозможно. Поскольку Россию в любом случае необходи-

мо разгромить, то лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена и когда русским приходится преодолевать большие трудности в военной промышленности, созданной с посторонней помощью.

Тем не менее и сейчас нельзя недооценивать русских. Поэтому немецкое наступление должно вестись максимальными силами. Ни в коем случае нельзя допустить фронтального оттеснения русских. Поэтому необходимы самые решительные прорывы. Важнейшая задача состоит в быстром отсечении района Балтийского моря; для этого необходимо создать особенно сильную группировку на правом крыле немецких войск, которые будут наступать севернее Припятских болот. Хотя расстояния в России и большие, но они не больше расстояний, с которыми уже справились германские вооруженные силы. Цель операции должна состоять в уничтожении русских вооруженных сил, в захвате важнейших экономических центров и в разрушении остальных промышленных районов, прежде всего в районе Екатеринбурга, кроме того, необходимо овладеть районом Баку.

Разгром России будет для Германии большим облегчением. Тогда на Востоке необходимо будет оставить лишь 40—50 дивизий, численность сухопутной армии можно будет сократить и всю военную промышленность использовать для вооружения военно-воздушных и военно-морских сил. Затем необходимо будет создать надежное зенитное прикрытие и переместить важнейшие промышленные предприятия в безопасные районы. Тогда Германия будет неуязвима.

Гигантские пространства России таят в себе неисчислимые богатства. Германия должна экономически и политически овладеть этими пространствами, но не присоединять их к себе. Тем самым она будет располагать всеми возможностями для ведения в будущем борьбы против континентов, тогда никто больше не сможет ее разгромить»¹.

---

¹ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, 1973. С. 93—94 со ссылкой на КТВ ОКВ, Vd.I. S. 253—258.

Взвешенный взгляд на корни плана «Барбаросса» придает динамику отношению руководства Третьего рейха к СССР. Первоначально кампания против Советского Союза была вспомогательной по отношению к главным (как казалось Гитлеру) событиям войны в Европе, которые должны были развернуться на море и в воздухе. Крушение «Барбароссы» сделало вспомогательную кампанию основным содержанием Второй мировой войны для Германии, отодвинув на второй план воздушную и морскую войну с Англией.

Помимо наиболее значимых для отечественного читателя вопросов взаимоотношений между СССР и Германией, немецкие историки уделяют много внимания последствиям воздушной битвы над рейхом. Перед нами предстает картина разрушения крупных городов, порожденная несовершенством оружия воздушной войны. Бомбардировщики Второй мировой войны, вооруженные сбрасываемыми с высоты в несколько километров свободнопадающими авиабомбами, могли эффективно поражать только цель вида «крупный город». Вопреки теории Дуэ, воздействие на крупные города не привело к капитуляции Германии. Воздушный террор только озлоблял людей в тылу и на фронте. Однако немецкому народу пришлось дорого заплатить за проверку теории итальянского военного теоретика на практике. Герхард Шрайбер пишет: «В результате бомбардировок было разрушено почти пять млн квартир — четверть всего жилого фонда по состоянию на 1939 год». Одновременно разрушению подверглись памятники истории и культуры, созданные задолго до прихода Гитлера к власти.

Напротив, оборонявшиеся сильными средствами ПВО и представлявшие собой сравнительно компактные цели промышленные предприятия пострадали намного меньше. Шрайбер дает следующие оценки воздействию англо-американской авиации на промышленность Германии: «В общем же и целом ущерб в строениях и техническом оснащении промышленных предприятий, нанесенный в результате налетов вражеской авиации, наземных боев и разрушений собственными руками, составил от 10 до 15 про-

центров сооружений, если брать за точку отсчета 1936 год с его полной трудовой загрузкой».

Разумеется, бесперспективность воздушного террора осознавалась англо-американским командованием, и в поиске целей для непосредственного воздействия на функционирование немецкой военной машины они обратили свой взор на коммуникации. Шрайбер пишет: «Ведь союзники сбросили на транспортную систему Германии — как и на ее гражданское население — в семь раз больше бомб, нежели на ее военно-промышленные предприятия». Именно разрушение транспортной сети препятствовало быстрому восстановлению предвоенных объемов производства промышленностью Германии. Вместе с тем следует отметить (этот момент был упущен Шрайбером), что массированное воздействие на транспортную сеть Третьего рейха началось только осенью 1944 года. До сентября 1944 года по железнодорожным и речным коммуникациям Германии наносились спорадические удары бомбардировочной авиации союзников, но никакого заметного эффекта на перевозки они не оказали. Соответственно, военная промышленность Третьего рейха смогла достичь пика производительности. Действительно серьезным ударам мосты, железнодорожные узлы, а также инфраструктура речного флота Германии подверглись только в сентябре и октябре 1944 года. Эти удары достигли своих целей. 16 марта 1945 года Шпеер докладывал Гитлеру: «Немецкую экономику ждет неизбежный коллапс в течение 4—8 недель».

Помимо стратегических экономических вопросов, в сборнике много внимания уделено большой политике. Здесь немецкие историки также отходят от классической версии о натравливании Германии на СССР, с одной стороны, и избегают огульных обвинений крупных политиков во внушаемости и слабости. В частности, подвергается взвешиванию анализу политика Невилла Чемберлена, «отца» Мюнхенского сговора. Себастиан Хаффнер: «Основой «умиротворительных» расчетов были антибольшевизм Гитлера и его открыто провозглашенные планы завоеваний на Востоке. Они, как рассчитывал Чемберлен, делали невоз-

можными совместные действия Германии и России. И пока оба континентальных гиганта держали друг друга в страхе, Англия вместе с тащившейся в фарватере ее политики Францией могла, как повелось издавна, играть решающую роль. Кроме того, между Германией и Россией по-прежнему существовал старый «санитарный кордон» — прибалтийские государства, Польша, Румыния и т.д. Этот кордон могло предупредить или по крайней мере осложнить прямое военное столкновение между Германией и Советским Союзом». Тем самым, как мы видим, имело место стремление английского премьера создать в Европе систему «сдержек и противовесов» и избежать военных действий.

Объяснения, отличные от сомнений в умственной полноценности Гитлера, Хаффнер дает также политике Германии в отношении США в течение 1940—1941 годов: «Длившаяся тринадцать месяцев (с ноября 1940-го по декабрь 1941 года) дуэль между Рузвельтом и Гитлером выглядит забавно, поскольку Гитлер выступил в ней в совершенно необычной роли: полному ярости Рузвельту противостоял кроткий, почти как овечка, Гитлер». Немецкий историк предлагает читателям взглянуть на взаимоотношения Рузвельта и Гитлера под другим углом зрения, и такая теория вполне достойна права на существование.

В работе Хаффнера присутствует также мостик, проведенный от политики к военным операциям. Им объяснено с политической точки зрения наступление немецких войск в Арденнах: «Гитлер хотел поставить западные державы перед выбором: либо в последнюю минуту выступить вместе с ним против Советского Союза, либо остаться у разбитого корыта». Так большая политика влияла на стратегию, предлагая наступать на Западе в условиях угрозы удара на Востоке, который должен был последовать со дня на день и действительно состоялся в начале января 1945 года.

С высказанными в «Немецком взгляде» точками зрения можно спорить, но несомненно одно: их высказывали люди, хорошо понимавшие реалии страны, являвшейся противником СССР в Великой Отечественной войне.

КАК БЫЛА ПРОИГРАНА ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

На рассвете 26 августа 1939 года, за шесть дней до начала войны, команда особого назначения германского вермахта внезапно захватила Яблунковский перевал в Польше. Она имела задание держать его открытым до подхода передовых частей сухопутных войск; при этом было захвачено в «плен» свыше 2000 польских солдат. Приказ Гитлера отложить предусмотренное на 26 августа наступление уже не смог вовремя достигнуть этого «отряда для действий в темноте». Ему пришлось мелкими группами отойти к германской границе.

Только 31 августа 1939 года Гитлер отдал окончательный приказ о наступлении: 1 сентября в 4 часа 45 минут утра германские дивизии вступили в Польшу. Вторая мировая война разразилась, когда Англия и Франция (включая доминионы), выполняя свои союзнические обязательства перед Польшей, по истечении сроков предъявленных ими ультиматумов 3 сентября объявили войну Германии. Они не остановились даже перед серьезными последствиями своего шага, как на то до самого конца надеялся Гитлер, пребывая в состоянии между иллюзией и самообманом. Когда шеф-переводчик министерства иностранных дел перевел ему фатальные слова ноты западных держав, он «словно застыл... и сидел в своем кресле совершенно безмолвно и неподвижно». Представление Гитлера о малодушной и уступчивой позиции Англии и Франции не подтвердилось; не сыграла и его крупная козырная карта — пакт с Советским Союзом о ненападении от 23 августа: союзники были полны решимости положить предел осознанной ими еще весной экспансионистской политике Гитлера. Время, когда они мирились со свершившимися фактами, минова-

ло. С момента германского захвата Чехии и Моравии они, поддерживаемые в том президентом США, повернули руль своей политики на 180 градусов: вступив в Прагу, Гитлер «перешел Рубикон».

В отличие от 1914 года, в отношении 1939 года проблема вины за войну как таковая, собственно, не стоит, хотя и ее исторические оценки могли бы быть более дифференцированными, чем это сформулировано в многочисленных послевоенных исследованиях.

Что касается возникновения Первой мировой войны, то западногерманские и иностранные исследователи сходятся в том, что следует говорить о разделенной ответственности. Все участники этой войны, как выразился однажды Ллойд Джордж, в большей или меньшей степени «втянулись» в конфликт, причем каждый из них, вступая в нее, искренне верил, что должен защищаться с оружием в руках от нападения извне. Статья 231 Версальского договора, возложившая вину за войну исключительно на Германию и ее союзников, роковым бременем легла на плечи молодой Веймарской республики. После разрушения системы европейских государств в результате Первой мировой войны предпринятая в 1919 году неудавшаяся попытка новой организации Европы создала питательную почву для дальнейшего, чреватого тяжкими последствиями, хода развития. Версальский мир ни территориально, ни политически, ни тем более морально не мог удовлетворить европейские нации, особенно побежденные; не способен он был и содействовать желательному всестороннему взаимопониманию. Созданная тогда Лига Наций, несмотря на отдельные ее достижения, оказалась не в состоянии разрешить споры на международном уровне, так как должна была принимать решения только единогласно и к тому же не обладала достаточной исполнительной властью. Но особенно далеко стояли в стороне от Лиги Наций Соединенные Штаты Америки, которые вышли из Первой мировой войны в качестве властно-политической и особенно идеологической ведущей силы, а затем вновь впали в изоляционизм.

В эту эпоху, которая, кроме того, характеризовалась экономической депрессией и духовными кризисами, демагоги находили себе послушные массы, которые давали им возможность посулами и обещаниями осуществлять собственные политические идеи. Несомненно одно: в 1933 году Гитлер начал свою внешнюю политику с борьбы против версальского «диктата». Под лозунгом «мира» он шаг за шагом освободил Германию от наложенных на нее ограничений и на свой манер помог вновь обрести полную действенность односторонне сформулированному в 1919 году праву народов на самоопределение. Но за этой националистически обрешенной политикой пересмотра Версальского договора, которую его пропагандисты изображали в самом благоприятном свете, скрывалось с самого начала нечто гораздо большее. Наряду с внутренней консолидацией и созданием тоталитарного фюрерского государства, формирование которого Гитлер ускорил жестокими средствами и методами, он целеустремленно преследовал (поначалу лишь слабо осознаваемые как реализация идей его книги «Майн кампф») две крупные цели: не останавливающееся ни перед каким риском завоевание «соответствующего численности населения жизненного пространства» на Востоке (при одновременном сведении счетов с большевизмом) и установление своего господства в Европе, с которым он намеревался связать ее националистическое преобразование в духе своей расовой теории. Однако решение о времени и направлении той или иной акции (действовать «так или так») он всегда оставлял за собой, не принимая его до самого последнего момента.

Движимый присущим ему внутренним нетерпением и опасением не успеть до конца собственной жизни осуществить свое исторически уникальное «дело», Гитлер в своей политике не считался ни с какими правилами человеческого и национального сосуществования. Поскольку его акции, начиная с 1935 года, не наталкивались на сколько-нибудь значительное сопротивление европейских держав, он действовал все смелее и смелее: восстановление всеобщей воинской повинности и ввод войск в ремилит-

таризованную Рейнскую область в сочетании с форсированным вооружением — таковы были первые этапы его начинавшихся престижных успехов. Вместо того чтобы с самого начала поставить его на место, что при военном превосходстве западных держав в первые годы национал-социалистического господства было все еще возможно, Англия и Франция (недооценивая методы и динамику тоталитарной национал-социалистической системы) считали, что смогут скорее способствовать решению всех спорных вопросов политикой умиротворения. В 1936 году Гитлер осуществил сближение с Италией, к которому стремился («ось» Берлин — Рим), а также укрепил позицию Германии как бастиона против большевизма, заключив с Японией Антикоминтерновский пакт. Год спустя он на секретном совещании 5 ноября 1937 года в самом узком кругу заявил, что для него в решении вопроса о германском жизненном пространстве есть только один путь силы, а без риска этот путь невыносим.

Когда 4 февраля 1938 года Гитлер сместил с занимаемых ими постов имперского военного министра генерал-фельдмаршала фон Бломберга и начальника Генерального штаба сухопутных сил барона фон Фрича и принял командование вермахтом непосредственно на себя, был сделан еще один важный шаг: сильнейший инструмент государства, дотоле унифицированный лишь политически, теперь потерял и свою профессионально военную самостоятельность. Тем самым в будущей войне на долю Гитлера должна была выпасть роль полководца! Одновременно под его влиянием оказалась и дипломатия, когда он назначил имперским министром иностранных дел Риббентропа вместо барона фон Нейрата. После аншлюса Австрии, когда авторитет Гитлера в народе еще больше укрепился, он стал стремиться к ликвидации Чехословакии. Но сначала ему пришлось довольствоваться в Мюнхене в сентябре 1938 года частичным решением: Германия получила Судетскую область, которая была занята 1 октября 1938 года. Хотя Гитлер 26 сентября и провозгласил во всеулышание в рейхстаге: «Чехи нам не нужны», уже в середине декабря он дал штабу

Верховного Главнокомандования вермахта (ОКВ), пусть и с некоторыми оговорками, приказ принять все подготовительные меры для разгрома оставшейся части Чехии.

* * *

Вступление в Прагу положило начало решающему повороту к войне: отнюдь не насытившись и этой добычей, Гитлер обратил свой взор на Польшу. С 1935 года он пытался привлечь ее на свою сторону для совместной борьбы против Советского Союза. Но от этого плана ему в конце 1938 года пришлось отказаться, так как руководящие деятели Польши и не помышляли позволить сделать себя орудием национал-социалистической агрессивной политики, надеясь в качестве «третьей силы» в Европе проводить независимую политику. Они отвергли и гитлеровские предложения по решению вопроса о Данциге и коридоре от 21 марта 1939 года, а тем временем западные державы 31 марта дали Польше свои гарантии. Гитлер денонсировал германо-английское военно-морское соглашение и германо-польский договор о ненападении (28 апреля) и одновременно заключил военный союз с Италией («Стальной пакт»), а также, конкурируя с западными державами, активизировал дипломатические усилия в отношении Москвы, чтобы получить свободу рук против Польши. Это привело 23 августа 1939 года к заключению пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом. После того как Гитлер в начале августа принял окончательное решение напасть на Польшу, германо-польские отношения стали все более обостряться. Эксцессы многих поляков в отношении «фольксдойче», сознательно раздувавшиеся национал-социалистической прессой, дали Гитлеру желанный повод к насильственному вторжению. Правда, заключение польско-английского пакта о взаимопомощи от 25 августа и заявление Италии о ее неготовности к войне привели еще раз к отсрочке нападения. Но 31 августа 1939 года Гитлер дал приказ о вступлении вермахта, после того как прямые польско-германские переговоры не состоялись и Польша, совершенно не понимавшая своих действительных во-

енных возможностей, во второй половине дня 30 августа объявила мобилизацию.

Критически мыслящий политик тех драматических августовских дней 1939 года [германский посол в Риме] У. фон Хассель так описал свои впечатления: «...Гитлер и Риббентроп хотели войны против Польши и сознательно пошли на риск войны с западными державами, до последних дней испытывая колеблющуюся по своей температуре иллюзию, что те останутся нейтральными. Поляки же, с их польским высокомерием и славянской податливостью ходу событий, проникшись доверием к Англии и Франции, упустили любой еще остававшийся шанс избежать войны. Лондонское правительство, посол которого сделал все, дабы сохранить мир, в последние дни прекратило этот бег наперегонки и совершило своего рода «Vogue la galie»¹. Франция пошла по этому пути с гораздо большими колебаниями. Муссолини не жалел усилий для того, чтобы избежать войны...» Характерно, что уже в этой первой кампании военная цель Гитлера далеко выходила за рамки разгрома вражеских вооруженных сил: он хотел вести борьбу до полного уничтожения Польши!

Разумеется, Вторая мировая война возникла не только в результате честолюбия и жадности власти отдельного лица. Но свободной от вины за эту вторую европейскую катастрофу едва ли была какая-либо держава, ибо все позже участвовавшие в войне государства ранее оказывали более или менее сильное содействие национал-социалистской политике. Однако факт остается фактом: Гитлер сознательно развязал войну против Польши и тем самым вызвал Вторую мировую войну. Поэтому он несет за нее такую ответственность, какая вообще «мыслима в рамках крупных всемирно-политических процессов» (Херцфельд).

Начало Второй мировой войны, вызвавшее у немецкого народа отнюдь не восторг, а скептицизм и мрачные предчувствия, застало вермахт в разгар его строительства. Оно велось очень быстрыми темпами, почти что в спешке, и притом вширь, а потому ему не хватало глубины в обла-

---

¹ *Vogue la galie* — кривая вывезет (*фр.*).

сти вооружения и кадров. Таким образом, Германия обладала еще далеко не готовым к действию инструментом войны даже при том, что по производству современных видов вооружения она и опережала западные державы. Из требуемого четырехмесячного запаса вооружения всякого рода в наличии имелось в среднем 25%; боеприпасов для зенитной артиллерии и авиационных бомб хватало всего на три месяца, между тем как запасы горючего из резервов и текущей продукции в лучшем случае покрывали потребности лишь четырех военных месяцев. Генеральный штаб сухопутных войск никаких оперативных приготовлений к наступлению, за исключением касающихся Польши, не предпринял, ибо рассматривал сухопутные войска исключительно как боеспособное средство обороны. Вопреки утверждениям обвинения на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников (1945—1946), будто германский Генеральный штаб еще до 1939 года разработал планы наступления на западные державы, сегодня твердо установлено: первая директива Главного командования сухопутных войск (ОКХ) о стратегическом сосредоточении и развертывании войск датирована 19 октября 1939 года.

Причем и эту директиву Гитлер руководящим чинам ОКХ навязал. Ведь еще в сентябре он оказался перед выбором: или пренебречь своими последними политическими и только что совершенными военными захватами, или же «окончательно» рассчитаться с западными демократиями, которые, как он позднее заявил генералитету, вот уже несколько десятилетий противодействуют консолидации рейха. Учитывая ту быстроту, с какой блестяще руководимые ОКХ и командованием групп армий германские войска шагали в Польше от успеха к успеху (между тем как Франция, почти бездействуя, отсиживалась за своей линией Мажино!), и растущее понимание того факта, что Великобритания, вступив в войну, будет биться до последнего, Гитлер хотел использовать мнимое благоприятствование момента и вынудить противника к решающей битве. При этом проблема нейтралитета не играла для него никакой роли; если Германия победит, никто об этом и не спросит — таков был его аргумент.

Импульсивный и беззастенчивый образ действий, при котором он не считался со взглядами других и оценками положения своими ближайшими военными советниками, привел Гитлера в октябре к поспешному решению: пока он, как казалось, обладает военным превосходством, нужно как можно скорее напасть на западные державы и уничтожить их. Когда Гитлер после так называемого мирного предложения от 6 октября 1939 года приказал ускорить оперативные приготовления к наступлению и, не дожидаясь ответа западных держав на свое предложение, назначил первую дату 25 ноября 1939 года, это вызвало возмущение у командующего группой армий «Ц» генерал-полковника фон Лееба. Он писал в своем дневнике: «[...] все распоряжения [...] указывают на то, что это безумное наступление с нарушением нейтралитета Голландии, Бельгии и Люксембурга действительно собираются предпринять. Итак, речь Гитлера в рейхстаге была всего лишь обманом немецкого народа». Не только он и Генеральный штаб сухопутных войск, но и ряд других командующих задействованных на западе армий справедливо сомневались в том, что еще этой же осенью удастся добиться решающей победы; к тому же польская кампания выявила очевидные недостатки сухопутных войск. На различных совещаниях по обсуждению обстановки они неоднократно обращали внимание Гитлера на то, сколь мало германская армия в данный момент по обученности личного состава и по вооружению отвечает высоким требованиям похода на запад. Разумеется, на основе опыта Первой мировой войны они оценивали боеспособность противника, в том числе и французов, очень высоко. Генерал-полковник фон Браухич [главнокомандующий сухопутных войск] попытался в последний раз сделать это в драматической беседе с Гитлером 5 ноября и вместе с начальником своего Генерального штаба генералом Гальдером вновь и вновь предпринимал попытки трезво изложить все военные точки зрения и убедить Гитлера использовать любую возможность мира. Это трагическое противоречие (с одной стороны, желание не допустить расширения конфликта и превращения его в новый мировой пожар, а с другой — необходимость со всем профессионализмом двигать

вперед приготовления к военной кампании) предъявляло высочайшие требования к их нравственному чувству ответственности и к их солдатскому чувству долга. Всю глубину этого конфликта с собственной совестью может оценить, однако, только тот, кто был вынужден действовать на таком же посту и получил такое же воспитание. Сегодня мы можем только предполагать, в состоянии какой внутренней борьбы находился начальник Генерального штаба сухопутных войск, если он задумывался над тем, не является ли устранение Гитлера единственным выходом из этого запутанного положения. Но он и его единомышленники не решились на этот последний шаг, ибо считали, что такой поступок был бы нарушением традиции, к тому же подходящего преемника нет; кроме того, молодой офицерский корпус, веривший в фюрера, ненадежен, но прежде всего для этого еще не созрело настроение внутри страны.

Но так как Гитлер продолжал форсировать подготовку к наступлению, ОКХ всеми средствами по меньшей мере затягивало переход в это наступление, надеясь тем самым дать место политическому, мирному решению конфликта, который пока еще не разгорелся открыто («сидячая война»). Однако после того, как Гитлер объявил борьбу со всеми «критиканами», у ОКХ остался только один путь: со всей энергией посвятить себя подготовке наступления. Плохая погода, а также неприкрытая оппозиция его планам побудили Гитлера зимой 1939/40 года 20 раз переносить дату начала наступления. Кроме того, разработанная ОКХ по его инициативе директива о стратегическом сосредоточении и развертывании войск не сулила ему большого успеха, а потому он продолжал поиски лучших и более перспективных решений, скорее непреднамеренно, чем умышленно, сам затягивая запланированное наступление!

Тем временем внимание Гитлера приковало к себе положение на севере Европы. Советско-финская зимняя война могла дать западным державам возможность под предлогом военной поддержки Финляндии встать твердой ногой в Норвегии и овладеть шведскими рудными залежами; это означало для Германии опасную угрозу ее флангу. Союзное Верховное Главнокомандование действительно занималось

таким планом. Но операция «Везерюбунг» («Везерское учение»), готовившаяся с января 1940 года прежде всего в связи с желанием военно-морского флота заполучить Норвегию в качестве своей оперативной базы, упредила действия союзников всего на несколько часов. 9 апреля 1940 года части германского вермахта заняли Данию и захватили Норвегию; лишь боевые действия по овладению Нарвиком затянулись до начала июня.

Кампания на Западе, начавшаяся 10 мая 1940 года, при благоприятных для Германии предпосылках (крупные пробы в области вооружения, боевой подготовки личного состава, а также оснащения танками и автомашинами были за время зимы 1939/40 года в значительной мере устранены) никоим образом не была превентивной мерой для защиты от «плановмерно готовившегося совместно с бельгийским и нидерландским генеральными штабами продвижения» войск западных союзников в Рурскую область, как то утверждала национал-социалистская пропаганда. Хотя Гитлер и попытался политически оправдать свои действия и переложить ответственность за них на оба нейтральных государства, на самом деле эти действия определялись в первую очередь его собственными стратегическими соображениями. Он явно считал, что военной победой на континенте сможет побудить своего главного врага — Англию принять его условия и, до предела используя все экономические резервы, сумеет быстро закончить войну. Это было второй его военной целью и вместе с тем его первым ложным умозаключением! К тому же осенью 1939 года он еще имел неверные представления о фактической боеспособности германского вермахта и, несмотря на предостережения специалистов, переоценивал собственную вооруженную силу. Этому его свойству будет суждено приобрести роковое значение в другой взаимосвязи с проводимой им войной. Здесь у Гитлера впервые обнаружилось то расхождение между понятиями «хотеть» и «мочь» в военной области, которое постоянно углублялось у него с годами!

* * *

Какой триумфальный момент для ефрейтора Первой мировой войны, когда 24 июня 1940 года он получил из Дорна телеграмму, в которой его бывший верховный полководец кайзер Вильгельм II поздравил фюрера с «огромной победой»! То, что не удалось императору за четыре года ожесточенной войны, несмотря на величайшее напряжение всех сил, он, Гитлер, совершил всего за несколько недель. Франция сокрушена в ходе поистине невиданной в современной военной истории кампании, от которой просто захватывает дух, а англичане изгнаны с континента. Военный подвиг такого масштаба, какой не снился даже самым смелым оптимистам, а оплачен совсем незначительными потерями! В Компьенском лесу, на историческом месте 1918 года, Франция должна теперь подписать в целом умеренные германские условия перемирия.

Гитлер, с 1933 года шагавший от одного успеха к другому, уже одержавший победу в трех военных кампаниях, теперь достиг вершины своей стремительной карьеры. Его предсказания вновь оправдались: противники были сломлены в кратчайший срок. Теперь он явно достиг своей далеко идущей цели. Он добился этого благодаря своему «инстинкту» в выборе подходящего момента, при помощи которого почти с уверенностью лунатика вел до сих пор свою внешнюю политику. Казалось, он и с войной справляется так же легко опять-таки благодаря своей «интуиции». Национал-социалистская пропаганда не знала удержу, в превосходных степенях восхваляя Гитлера: из «величайшего государственного мужа» со времен Бисмарка она теперь сделала из него и «величайшего полководца всех времен».

Сфера господства Гитлера простиралась отныне от Нордкапа до испанской границы, ограждаемая от врагов, пожалуй, самыми боеспособными вооруженными силами в мире. И хотя зимой 1939/40 года критические, более того, оппозиционные голоса мужественно предостерегали от похода на Запад, победа в мае и июне 1940 года либо заставила их надолго замолчать, либо лишила их всякого резонанса. Престиж Гитлера в народе решающим образом укрепился.

Немало религиозно мыслящих немцев считало, что «человек, добившийся таких успехов, ниспослан им самим Богом». Даже такой умный и обладающий острым зрением наблюдатель, как Уве фон Хассель, писал в своем дневнике: «Никто не может оспаривать величия, достигнутого Гитлером. Но это ничего не меняет во внутреннем характере его деяний и не умаляет тех ужасных опасностей, которые угрожают всем высшим ценностям. Демонический Спартак может действовать только разрушающе...»

В союзе с Италией, которая вступила в войну 10 июня 1940 года, Гитлер теперь держал в своих руках судьбу Центральной Европы. Легко понять, что самомнение большинства немцев возросло, но надежный глазомер, определяющий, что возможно и что невозможно в политической и военной областях, был ими утерян. Ведь это всего-навсего вопрос ближайших дней, ну, нескольких недель, — и Англия, последний противник, прекратит почти бесперспективную борьбу. В самом узком кругу Гитлер вновь и вновь повторял: Англия побеждена, только не признает этого.

Мы не можем оставить без внимания эту возникшую после непрерывной цепи успехов Гитлера психологическую ситуацию лета и осени 1940 года, если хотим правильно оценить начавшийся тогда период напряженности между политикой и самим ведением войны.

Англия Черчилля не сдалась; она оценивала свое положение в первую очередь как положение морской державы, и с этой точки зрения у нее не было никакой причины, заставлявшей ее сложить оружие. Именно в этом состояла особая, отличающаяся одна от другой оценка войны французом Петеном и британским премьер-министром. Для первого в мае—июне 1940 года речь шла об обычном военно-политическом столкновении, которому было суждено закончиться военным поражением Франции на континенте. Для Черчилля же конфликт решался не на традиционных полях сражений Европы, а всемирными и идеологическими факторами. К тому же он был убежден, что Рузвельт вскоре преодолет изоляционистскую позицию американского конгресса и вступит в войну на стороне

Англии. Таким образом, в данном пункте Гитлер оказался не прав, и очень скоро стало очевидно, сколь дорого обойдется ему эта ошибка! Ведь какими средствами и возможностями располагал он, чтобы склонить Англию к мирным переговорам?

Гитлера тех месяцев можно по праву сравнить с шахматистом, который в начале партии считает достаточными четыре-пять ходов, чтобы объявить противнику мат. Вот он уже готов сделать первый ход, но вдруг начинает колебаться, ибо надеется прийти к цели быстрее, более эффективным ходом. Однако в самый последний момент отказывается и от него, чтобы в конце концов снова прибегнуть к своему излюбленному ходу.

Так, поначалу он все свои надежды возложил на усиленную воздушную и морскую войну. Еще до начала Второй мировой войны Гитлер неоднократно утверждал: смертельную рану Англии можно нанести только всеобъемлющей экономической войной; будучи отрезанной от импорта, она долго продолжать сопротивление не сможет. А значит, все дело в том, чтобы захватить на побережье Ла-Манша подходящие базы для подводного флота и авиации и оттуда начать широкомасштабные военные действия по установлению блокады Англии. Если зимой 1939/40 года борьбу против британских надводных и подводных сил начал германский военно-морской флот, то после похода против Франции должны были в более крупном масштабе вступить в дело Люфтваффе. Гитлер, а особенно Геринг, надеялся посредством широко задуманного воздушного наступления сделать Англию покладистой и тем самым создать предпосылки для окончательного разгрома врага. Для этой цели были выделены два воздушных флота, насчитывавшие около 2000 самолетов, которым англичане в критические дни июля — августа могли противопоставить всего лишь 600—700 истребителей.

13 августа началась первая фаза «воздушной битвы над Англией» (операция «Орел»). Ее первоначальной целью было добиться превосходства в воздухе. Кроме того, совершались крупные налеты на вражеские базы истре-

бительной авиации и опорные пункты противовоздушной обороны. Во второй фазе, начавшейся 5—7 сентября, предусматривалось разгромить экономический потенциал и деморализовать население Британских островов. Но ни то ни другое не удалось! Не говоря уже о крупных потерях немецкой авиации в результате сильной, хорошо руководимой английской противовоздушной обороны, а также об отсутствии четырехмоторных бомбардировщиков дальнего радиуса действий для ведения стратегической воздушной войны, что привело к провалу операции, ее пришлось постепенно прекратить потому, что на первый план все сильнее выдвигалось стратегическое сосредоточение и развертывание сил против Советского Союза и с этой целью надо было держать воздушные флоты в боевой готовности.

Борьба с Англией на море, естественно, могла привести к успеху лишь в далекой перспективе. Причины этого коренились прежде всего в военно-морской политике Третьего рейха. После германо-английского соглашения 1935 года, установившего соотношение тоннажа германского и британского военно-морского флота 35:100, война с Англией как возможная еще не рассматривалась. Только в начале 1938 года Гитлер впервые заявил адмиралу [главнокомандующему военно-морского флота] Редеру, что надо готовить военно-морской флот к столкновению с Англией и осуществить направленные на это меры. Затем командование военно-морского флота на командно-штабных учениях проработало возможность его использования в войне против Англии и пришло к выводу, что до тех пор, пока германская крейсерская война будет вестись в основном подводными лодками, ядро британского флота уничтожить не удастся. Результатом было принятие рассчитанной на шесть лет (до 1944 года) программы, целью которой являлось значительное увеличение личного состава флота и количества кораблей, особенно крупных (план «Z»), чтобы в предположительном случае быть лучше вооруженными. Гитлер приказал обеспечить этому расширению ВМФ приоритет перед обеими другими составными частями вооруженных сил (сухопутными войсками и Люфтваффе).

Однако поставленная двойная цель ведения морской войны (борьба против вражеского торгового флота и ликвидация британского господства на море), по словам историка Хубача, страдала отсутствием «всякого политического опыта и понимания стесненности Германии своим континентальным положением». Хотя командующий подводным флотом будущий гросс-адмирал Дёниц требовал усиленного развития своего рода оружия (так как, по его мнению, только оно в случае военного конфликта, обладая соответствующими силами на море, могло решить исход войны), отстаивать свою точку зрения ему не удалось. В конце концов Гитлер еще 22 июля 1939 г. приказал объявить своим офицерам-подводникам, что до войны с Англией дело ни в коем случае не дойдет, ибо это означало «*Finis Germaniae*»¹.

Начало войны застало германский военно-морской флот врасплох. К этому моменту он имел, образно говоря, всего лишь туловище, поскольку план «Z» едва начал осуществляться. Его слабость по сравнению с одним только английским флотом выражалась соотношением 1:7,5 в крупных и средних надводных кораблях, а в миноносцах 1:9,2, и только в подводных лодках соотношение было равным. Такое положение следовало предвидеть в результате германской военно-морской политики, проводившейся с 1935 года. Но Гитлер полагал, что сможет пойти на риск войны, несмотря на вражеское превосходство на море; находясь в плену представлений, присущих континентальному мышлению, он хотел добиться решения исхода войны с морской державой Англией на суше.

Навязать британскому флоту бой в форме «морского сражения выстроившихся кораблей», как это имело место в Первой мировой войне, было по вышеназванным причинам невозможно, а тактически уже и едва ли приемлемо. Напротив, германский военно-морской флот должен был попытаться всеми имеющимися в его распоряжении средствами предпринять против Британских островов экономическую войну и военную блокаду, успех которых мог

---

¹ «*Finis Germaniae*» — конец Германии (*лат.*).

быть тем больше, чем лучше исходные базы. Главнокомандующий военно-морского флота первым делом распорядился прекратить все крупные постройки по плану «Z» (за исключением кораблей, уже спущенных со стапелей), чтобы ускорить выпуск подводных лодок, и вооружить вспомогательные суда для охоты за торговыми судами («каперская война»). Вместо 300 подводных лодок, которые Дёниц требовал в качестве минимума для успешной морской войны против Англии, Германия имела всего 57, а из них пригодных к военным действиям только 46. В результате перенесения центра тяжести в военно-морском флоте на субмарины теперь должно было строиться ежемесячно 29 подводных лодок. Но так как эта программа не была включена в число самых первоочередных мер по вооружению, в марте 1940 года пришлось на длительный срок сократить производство до 25 в месяц. Однако даже и эта программа, хотя бы приближенно, не была осуществлена за первые два года войны. В первом полугодии 1940 года работавшие с крайним напряжением верфи построили 2, а до декабря — 6 подлодок, и только в конце 1941 года число выпускаемых ими подлодок достигло 20 в месяц.

Поэтому в первый год войны командование военно-морского флота могло направлять в оперативное пространство только 1214 подводных лодок. Но для решающего успеха этих сил не хватало! Вторая фаза битвы за Атлантику, начавшаяся после норвежской операции в июне 1940 года при значительно более благоприятных для военно-морских действий стратегических условиях (новые базы в Бискайском заливе!), показала, каких результатов мог бы достигнуть германский военно-морской флот при большем числе подводных лодок: только 12 действовавших в оперативном пространстве подлодок за период до марта 1941 года потопили 2,31 млн брутто-тонн, что во много раз превышало водоизмещение всех вновь построенных в Англии кораблей.

Иное решение проблемы нанесения решающего удара по Англии обещала высадка на Британских островах (операция «Морской лев»). Новейшие исследования под-

твердили, что этот план нельзя отнести только к области психологической войны. Проводя подготовку к его осуществлению, Гитлер отнюдь не просто блефовал, ведя приготовления, а серьезно намеревался крупными силами высадиться в Англии, как только для этого будут созданы безусловно необходимые условия.

ОКМ¹ и ОКХ уже в ноябре — декабре 1939 года дали первые разработки такой операции. По приказу ОКВ эти планы с июля 1940 года обсуждались и дополнялись всеми составными частями вермахта. 16 июля Гитлер приказал принять подготовительные меры для высадки на тот случай, если Англия не проявит готовности пойти на мир. Условиями успешной морской и сухопутной операции он считал: превосходство немецкой авиации в оперативном пространстве, свободный от мин проход для транспортных судов в обоих направлениях, обеспечение флангов на Ла-Манше установкой заградительных минных полей, изгнание английского военного флота из района южного побережья Британских островов, а также необходимость сковывать все остальные расположенные в Англии части германскими военно-морскими силами и, наконец, создание сильной береговой артиллерии по всему фронту канала. В ходе оперативного планирования весьма скоро возникли разногласия между ОКМ и ОКХ. Гросс-адмирал Редер придерживался мнения, что имеющихся в настоящее время соединений военно-морского флота (после потерь в Норвегии) хватит самое большее для высадки на узкой базе. В противоположность этому генерал-фельдмаршал фон Браухич и генерал-полковник Гальдер требовали создания плацдармов на широком фронте (300 км) для того, чтобы различные группировки сухопутных войск могли поддерживать их операции с флангов. В конце августа Гитлер решил подготовить высадку на плацдарме около 120 км. Но в сентябре он опять перенес первоначально запланированную на 21 сентября высадку. 12 октября он отодвинул вы-

---

¹ Oberkommando der Kriegsmarine (ОКМ) — главнокомандование военно-морского флота.

садку на весну 1941 года; тем самым «Морской лев» практически сдох.

К числу разочарованных отказом от этой операции принадлежал и Муссолини. Еще в конце июня он сообщил Гитлеру в одном письме, сколь горячо приветствует он высадку в Англии; в начале июля он обещал предоставить для этого 10 итальянских дивизий и 30 эскадрилий своей авиации. Он хотел, по крайней мере символически, подкрепить новое братство по оружию. Но 13 июля Гитлер дал ему понять, что должен отклонить это предложение прежде всего ввиду необходимости стандартизации оружия при крупной операции по высадке. Он же, дуче, пусть лучше сконцентрирует свои усилия на ведении войны в Средиземном море.

Гитлер отказался от операции «Морской лев» в конечном счете потому, что германские Люфтваффе не могли выполнить поставленную перед ней задачу в требуемом объеме. Что касается командующего военно-морскими силами, то в своих докладах Гитлеру он настойчиво подчеркивал, что не может принять на себя ответственность за высадку в 1940 году; к тому же до сих пор не удалось полностью обеспечить необходимый объем транспортных судов для снабжения войск. Эти опасения Редера явно оказали воздействие на Гитлера. Тот чувствовал себя в большей степени «специалистом» сухопутной войны и к операциям на море относился довольно скептически. Поставить на карту в результате, по сути, рискованной операции свою только что приобретенную репутацию «величайшего полководца всех времен» казалось ему слишком смелым; предостережением ему служил и кризис в ведении боевых действий по овладению Нарвиком. А во всем, что касалось его личного престижа, Гитлер был чрезвычайно чувствителен.

К этому добавлялась неблагоприятная метеоситуация, которая, как уже часто бывало, ставила под вопрос успех операции. Но все вышеназванные причины кажутся не имевшими для его решения такого важного значения, как надежда разбить Англию, разгромив Россию.

С вступлением в войну Италии возник театр военных действий и на Средиземном море, который Гитлер пона-

чалу считал полностью доменом своего партнера по «оси». Однако главнокомандующий сухопутных войск, а в первую очередь главнокомандующий военно-морским флота настойчиво указывал ему на то, какое значение имеет средиземноморская стратегия в рамках борьбы против Англии. Редер придерживался взгляда, что ведущиеся здесь операции (скажем, против Гибралтара, против Канарских островов с целью закрыть вход в Средиземное море и отрезать Мальту, защита вишистской Северной Африки от вражеских высадок, прорыв к Суэцкому каналу и изгнание противника с Ближнего Востока) скорее отвечают радиусу действия германских вооруженных сил.

Так, с июля 1940 года встал вопрос о захвате Гибралтара (операция «Феликс») с испанской помощью. Поскольку отношения между «осью» и Испанией на основе той помощи, которую Германия и Италия оказывали ей в гражданской войне, были весьма дружественны (Франко еще 3 июня с восторгом поздравил Гитлера с германскими военными успехами), Гитлер надеялся вскоре привлечь эту страну к борьбе на своей стороне.

В июле он поначалу активизировал дипломатические усилия по привлечению Испании к реализации своих планов. Но Франко, хотя и склонялся после германской победы над Францией к участию в войне, с одной стороны, сознательно сильно завысил свои требования: так, он потребовал военные материалы всякого рода, тяжелое оружие, боеприпасы, горючее, оснащение и пшеницу для своей страны, еще не преодолевшей последствий внутренних столкновений. С другой стороны, его привлекало приобретение новых территорий — таких, как Гибралтар, Французское Марокко, часть Алжира (Оран), расширение колонии Рио-де-Оро за счет Франции и район Гвинейского залива. Но пойдя Гитлер навстречу этим желаниям, пришлось бы вступить в конфликт с вишистской Францией, а это в тот момент противоречило его намерениям! Кроме того, приходилось опасаться, что тогда под знамя де Голля перейдут и другие части французских колониальных владений. Итак, Гитлер встал здесь перед несомненной дилеммой.

Вполне возможно, колебания Франко были вызваны негибимой позицией Англии. До тех пор, пока Великобритания не была действительно повержена, в случае его вступления в войну жизненный нерв Испании — ее снабжение морем — оказался бы под величайшей угрозой. Когда же Гитлер 23 октября предложил каудильо в начале 1941 года вступить в войну, тот снова уклонился от определенного ответа, забаррикадовавшись требованиями больших поставок техники и оружия. Адмиралу Канарису, начальнику германского абвера, пришлось 7 декабря 1940 года снова задавать в Мадриде вопрос, согласится ли Испания хотя бы пропустить германские войска через свою границу с целью захвата горных укреплений. Но и на сей раз Франко отказался, заявив, что его страна еще не в состоянии пойти на этот шаг по экономическим причинам. Несомненно, это было всего лишь внешним предлогом: неудачные операции итальянцев в Греции и Северной Африке, успехи англичан в воздушной битве в сочетании с тем фактом, что Гитлер все еще не рискнул предпринять высадку на Британские острова, вполне могли открыть испанскому правительству первые отчетливо видимые слабые места «оси»; да к тому же английский посол в Мадриде умел их эффективно подчеркнуть. Поэтому Гитлер в середине декабря 1940 года счел, что политические предпосылки для операции «Феликс» уже отсутствуют, и 9 января 1941 года от нее отказался. В остальном же Средиземное море было для него прежде всего итальянским театром военных действий, а подлежащая осуществлению здесь стратегия — ослабление английских позиций — не казалась ему серьезной альтернативой его планам на Востоке.

Как сообщил [начальник штаба оперативного руководства вермахта] генерал Йодль в докладе гауляйтерам 7 ноября 1943 года, Гитлер еще во время Западной кампании сказал ему о своем «принципиальном решении» ликвидировать большевистскую опасность, как только это позволит военное положение Германии. Действительно, после победы над Францией нападение на Советский Союз (план «Барбаросса») все сильнее овладевало помыслами и жела-

ниями Гитлера. Однако отнюдь не «жизненное пространство на Востоке», насильственное завоевание которого уже с 20-х годов пронизывало политические расчеты Гитлера, служило главным активизирующим моментом; нет, главным импульсом являлась наполеоновская идея разбить Англию, разгромив Россию.

Большое число уцелевших военных документов, относящихся к лету 1940 года, едва ли оставляет какое-либо сомнение в том, что Гитлер начал серьезно планировать нападение на Советский Союз уже с июля 1940 года и в принципе (правда, вначале с некоторыми временными оговорками) был полон решимости предпринять его еще весной 1941 года. Однако ОКВ отговорило его от этого, ибо русская распутица могла создать трудности продвижению германской армии на восток.

* * *

21 июля 1940 года Гитлер приказал ОКХ подробно изучить все предварительные условия наступления на Востоке и начать соответствующие приготовления. Как заявил Гитлер Браухичу и Гальдеру десятью днями позже, он считал, что Англия скорее заключит мир, если Советский Союз, ее последний потенциальный союзник на континенте, будет уничтожен. Продолжительность операции на Востоке он определял примерно в пять месяцев. Тогда Германия сможет считать себя «неограниченным господином» в Европе и на Балканах.

Вне всякого сомнения, начавшееся тем временем советское продвижение в Прибалтике и в Юго-Восточной Европе (аннексия Бессарабии и Северной Буковины) в июне 1940 года не столько обескуражило, сколько обеспокоило нацистское руководство; ибо в результате этого возникла несомненная угроза важным для Германии румынским нефтяным районам. Ведь со времени подписания германорусского секретного соглашения от августа 1939 года Гитлеру было ясно, что его партнер рано или поздно представит свой счет за «спокойное поведение» во время германских наступлений.

В остальном же из ставших ныне известными документальных источников явствует, что Гитлер принял решение о нападении на Советский Союз отнюдь не на основании указанных выше событий. Гораздо больший вес имели следующие соображения.

Если Советский Союз, последняя континентальная шпага Англии, будет побежден, у Великобритании едва ли останется какая-либо надежда на перспективное сопротивление. Ей придется прекратить борьбу, особенно если удастся побудить Японию к действиям против Англии в Восточной Азии, прежде чем вступят в войну США.

Если же она, несмотря на все это, будет сражаться дальше, Гитлер решил путем захвата Европейской России осуществить завоевание новых огромных экономически важных областей, используя резервуар которых он в случае необходимости сможет выдержать и более длительную войну. Тем самым наконец-то осуществлялась его великая мечта: Германия приобретала на Востоке то жизненное пространство, на которое она претендовала для своего населения. Одновременно ни одно государство в Европе больше уже не могло оспаривать у Германии главенствующее положение; ставший обременительным конкурент устранялся и больше не мог продолжать свою «вымогательскую тактику». Не последнюю роль играло и то соображение, что «окончательное столкновение» обеих систем — национал-социализма и большевизма — однажды все равно станет неизбежным; данный момент казался Гитлеру наиболее благоприятным для этого, ибо Германия обладала сильными, испытанными в боях вооруженными силами и, кроме того, была высокооснащенной для войны страной.

Разумеется, только переговоры с Молотовым в ноябре 1940 года в Берлине окончательно избавили Гитлера от последних сомнений в том, что принятое им решение — правильный и единственный выход. Эти переговоры показали, что единство между обоими жаждущими экспансии партнерами в вопросе о разделе «сфер интересов» в мировом масштабе теперь, а также и в будущем едва ли возможно.

В этой связи необходимо разрушить одну все еще распространенную легенду: германское нападение на Советский Союз в 1941 году (как об этом свидетельствуют результаты изучения документальных источников) не являлось превентивной войной. Решение Гитлера осуществить его было порождено отнюдь не глубокой тревогой перед грозившим Германии предстоящим советским нападением, а явилось конечным выражением той его агрессивной политики, которая с 1938 года становилась все более неприкрытой.

Как можно судить, Советы не считали нападение на Германию в 1940—1941 годах средством своей политики; до тех пор они осуществляли свои намерения гораздо более безопасным «холодным путем» — их излюбленным методом. При внезапном нападении летом 1941 года не было захвачено никаких документов, которые бы, несмотря на сосредоточение советских войск у границы, давали основание для выводов о вражеских наступательных намерениях. К тому же Красная Армия еще только собиралась модернизировать свои танковые войска и авиацию. И наконец, Хрущев на XX съезде КПСС выдвигал против Сталина тяжкие обвинения именно в том, что тот, несмотря на британские предупреждения, не придавал достаточного значения возможности германского нападения и верил, что все еще имеющиеся разногласия между обоими государствами можно устранить дипломатическим путем. Другой вопрос: что сделал бы Советский Союз, если бы положение Германии, скажем, после высадки в Англии, стало менее благоприятным? Но такой способ рассмотрения лежит за пределами стремления к историческому познанию.

Однако не имели ли место в эти драматические месяцы 1940 года предложения и усилия с германской стороны закончить войну политическим путем? Разве Гитлер не достиг при помощи оружия своей великой цели? «Честь Германии» была восстановлена. «Позор Версаля» смыт. Чего проще было предложить разбитому врагу великодушный мир? К сожалению, ответить на этот вопрос с полной уверенностью мы сегодня еще не можем; хотя документы германской внешней политики и дают на этот счет некоторые

важные разъяснения, они все же оставляют многие вопросы открытыми. Что же касается цитируемой сотрудником имперского министерства иностранных дел Хессе в его «Воспоминаниях» программы, на основе которой Гитлер якобы был готов заключить выгодный мир с Англией, то она до сих пор не имеет документального подтверждения. Поэтому некоторые выводы, позволяющие ответить на поставленный выше вопрос, мы можем сделать лишь из поведения самого Гитлера в то время.

Возможно, непосредственно после победы на Западе он некоторое время предавался иллюзии, что сможет установить мир, но окончание войны политическим путем уже зависело не только от его волевого решения, а во многих отношениях определялось его роковой внешней политикой по отношению к своим союзникам. 23 августа 1939 года он предоставил восточную часть Польши Советскому Союзу; без сомнительных по своему результату переговоров статус-кво здесь было не восстановить. Кроме того, зловещая немецкая оккупационная политика в Польше, с ее первыми «мерами по уничтожению чуждых расовых элементов», затрудняла любой разговор о восстановлении этого государства. А Италия выдвинула в качестве цены за свое участие в войне высокие территориальные требования (Ницца, Корсика, Тунис, часть Алжира, владение Средиземным морем, базы в Сирии, Трансиордании, Палестине, Ливии и Египте).

Решающим было, однако, то, что Гитлер вовсе и не думал закончить войну, отказавшись от своих последних политических и военных завоеваний. Он уже носился с мыслью предположительно превратить Бельгию в «гау Фландрия», а Голландию в еще одну гау. Поскольку в результате своей довоенной политики он потерял за границей всякий кредит доверия (так что Черчилль провозгласил ожесточенную, с «кровью и слезами», борьбу до победного конца), Гитлер видел перед собой только одну возможность: принудить противника принять его условия. Но обладала ли национал-социалистская Германия на длительный срок такими средствами?

Его «Призыв к разуму» от 19 июля 1940 года был в целом не чем иным, как попыткой нового алиби перед мировой историей. Ведь на самом деле он не содержал никаких реальных предложений, ибо его принятие означало бы капитуляцию Англии! Но Гитлер, хороший психолог (по крайней мере в обращении со своим народом), знал, сколь эффективной была его попытка переложить моральную ответственность за продолжение борьбы на противника. В беседе с итальянским послом Алфиери 1 июля 1940 года он дал понять, что в данный момент активно готовится к осуществлению новых крупных задач; поэтому важно сделать Англию в глазах всей мировой и германской общественности ответственной за дальнейший ход событий. Тем самым он усиливает собственную позицию и ослабляет позицию врага; уже в «Мирном призыве» от 6 октября 1939 года он руководствовался такими мыслями.

Все говорит за то, что Гитлер после Западной кампании не предпринимал серьезных усилий к тому, чтобы закончить войну политическим путем, то есть посредством переговоров в духе подлинного компромисса, или же использовать искусство достижения возможного с допущением уступок. Напротив, доминировало его империалистическое стремление к применению силы, та все более безудержная политика насилия, которую он считал возможным проводить сейчас, когда германский вермахт явно не имел на континенте сколько-нибудь значительного, равноценного себе противника. Одновременно Муссолини 26 июня, в чрезмерно восторженных выражениях поздравляя Гитлера с «колоссальным успехом», потребовал своего участия в захвате Англии. Им тоже владело не столько искреннее желание установить мир, сколько тревога, как бы не оказаться обойденным при предстоящей вскорости «дележке добычи».

В выборе средств для окончания войны летом 1940 года Гитлер полностью просчитался. Его принятые в то судьбоносное время решения, которые можно охарактеризовать как первую крупную цезуру во Второй мировой войне, показывают: после триумфа на Западе он был преисполнен веры в то, что теперь сможет реализовать все свои далеко идущие

властно-политические цели при помощи остро отточенного испытанного меча своего вермахта. Отныне планы его больше не знали никаких пределов: в начале 1941 года он даже приказал штабу оперативного руководства вермахта разработать проект германского продвижения в Афганистан против Индии (Англии). Поистине трагическим обстоятельством было то, что его меры и наметки уже не наталкивались на ту сильную волей военную оппозицию, как это было еще зимой 1939/40 г. Но ведь его прогнозы в конечном счете всегда оправдывались! Отказавшись от высадки в Англии (не в последнюю очередь из-за провала воздушной войны) и решившись напасть на Советский Союз, Гитлер тем самым вызвал катастрофу Восточной Европы.

* * *

Цепь германских ошибок в командовании войсками и стратегических ошибочных решений началась еще в 1940 году с Дюнкерка.

По оперативному плану наступления на Западе предусматривалось уничтожить войска западных союзников в широкомасштабном сражении на прорыв и окружение. Для этого группа армий «Б» («Север»), которой предназначалась роль наковальни, должна была принять на себя удары противника в центральной части Бельгии, между тем как группе армий «А» («Юг») следовало сильными моторизованными и танковыми соединениями пробиваться на Сомме, а затем, повернув на север и действуя подобно молоту, заставить врага вести бой с «перевернутым фронтом» и разбить его. Но в кульминационный момент операции, 24 мая 1940 года, Гитлер и командующий группой армий «А» Рундштедт остановили неудержимо пробивающиеся вперед танковые дивизии на линии канала Ла-Манш (от Ланса до Гравелина), чтобы сохранить эти войска для второй фазы наступления, а ликвидацию котла предоставить в первую очередь авиации. Тщетно протестовали главнокомандующий сухопутных войск и его начальник Генерального штаба против этого приказа, имевшего весьма серьезные последствия. Гитлер предоставил командованию группы

армий «А», то есть нижестоящей инстанции, самому принять решение, когда именно ввести в бой подвижные соединения. Командование же этой группы войск только 25 мая пришло к иной оценке обстановки, дав разрешение на наступление моторизованных и танковых соединений.

Тем временем противник лихорадочно использовал драгоценные часы «боевой передышки» на своем западном фланге и создал здесь свою оборону. Знаменитый «стоп-приказ» германским танковым войскам у Дюнкерка дал союзникам возможность спасти из этого котла и эвакуировать в Англию свыше 350 000 человек. К тому же Люфтваффе не смогли выполнить свою задачу в полном объеме, и операции обеих групп армий не были завершены достаточно энергично и последовательно, поскольку ликвидация котла рассматривалась как задача более или менее второстепенная. Командование германского вермахта, находившееся во власти своего континентального мышления, слишком поздно разглядело имевшуюся у противника возможность эвакуировать свои войска, вместо того чтобы заставить их сражаться до последнего патрона. Таким образом, главные силы союзных соединений оказались на Британских островах, и несколькими месяцами позднее значительная их часть с новым оружием (в частности, из Америки) опять была введена в бой теперь уже в Северной Африке.

Вместо уничтожающей победы Гитлер добился лишь «ординарной». Правда, сделать отсюда выводы в том духе, что при тотальном поражении Великобритания заключила бы мир и что поэтому Германия упустила свой великий исторический час, просто-таки позволив вырвать из своих рук уже ощутимо близкую пальмовую ветвь победы, значило бы зайти слишком далеко. Черчилль наверняка и тогда продолжил бы бороться с несгибаемой стойкостью. Поэтому значение эпизода с Дюнкерком для дальнейшего хода всей Второй мировой войны не следует драматизировать и переоценивать, как это делается в различных послевоенных публикациях.

Через десять месяцев после заключения перемирия на Западе начались операции против Греции и Югославии

(6 апреля 1941 года), которые еще раз продемонстрировали высокое германское военное искусство и за несколько недель были победоносно закончены. Со времени итальянского нападения на Грецию в октябре 1940 года положение на Балканах все более обострялось и достигло своей кульминационной точки в форме антигерманского военного путча в Белграде. Точно так же, как поддержка Италии в Северной Африке весной 1941 года, эти бои во всех отношениях отвечали боевым возможностям германского вермахта.

Однако при нападении на Советский Союз (22 июня 1941 года) это казалось проблематичным по меньшей мере до тех пор, пока не устранена как противник Англия. Но Гитлер был твердо уверен, что сможет разгромить Советский Союз в ходе молниеносной войны. Впрочем, надо признать, что такое мнение было не только у него одного. Такую точку зрения разделяли в то время ведущие военные чины не только в Германии (ОКВ и ОКХ), но и в Соединенных Штатах и Англии. Так, американский военный министр и его начальник штаба ожидали, что эта кампания продлится «минимум месяц, а как максимум три месяца». Это объяснялось, с одной стороны, поразительными успехами вермахта до лета 1941 года, за которыми весь мир следил отчасти с удивлением, а отчасти и с растущим страхом, а с другой — полной недооценкой советской силы сопротивления и способности к восстановлению офицерского корпуса после его крупных «чисток» в 1936—1938 годах. Объяснялось это и слабой боеспособностью Красной Армии в зимней войне с Финляндией.

Гитлер намеревался при помощи сильных танковых клиньев окружить и уничтожить сосредоточенные и развернутые в Западной России вооруженные силы, чтобы затем достигнуть такой оборонительной линии, с которой советская авиация более не могла бы угрожать территории рейха. Перед ним маячила конечная цель: отсечь азиатскую часть России от европейской по общей линии Волга—Архангельск. Несмотря на отсрочку нападения на

5—6 недель из-за Балканской кампании, он надеялся еще до наступления зимы захватить Москву и Донбасс.

По оценкам отдела Иностранных армий Востока (ОКХ), Красная Армия насчитывала тогда 158 боеспособных дивизий, которым противостояли 153 германские (и дополнительно около 40 дивизий союзников). Учитывая такой паритет сил, имевшийся и на Западе в 1940 году, командование вермахта тем более полагало, что ему удастся победно закончить кампанию в короткий срок.

Еще до начала военных действий ОКВ дало служившую в качестве рабочей основы стратегическую директиву, в которой были обрисованы задачи вермахта после разгрома Советского Союза. ОКВ явно хотело избежать ошибок, допущенных во время похода против Франции, и на этот раз принять подготовительные меры также и на период после завершения боевых действий на этом театре войны, чтобы таким образом быстрее и без помех осуществить затем намеченные планы. Именно эта директива № 32 обнажила не только континентальную односторонность, но и претенциозные масштабы германской стратегии, которые грозили взорвать все прежние представления оперативного ведения войны и которые, несомненно, являлись результатом непрерывной серии успешных «молниеносных войн» германского вермахта. Гитлер хотел, не более и не менее, как вслед за победой на Востоке в 1942 году сокрушить позицию Англии как мировой державы на Средиземном море посредством широко задуманных операций на суше в форме тройных клещей. 60 дивизий должны были держать «Восточный вал» (Архангельск—Волга); один удар предусматривалось нанести из Ливии через Египет с целью пробиться до Сирии; второй, через Болгарию, при возможном вовлечении в войну Турции и третий — через Кавказ и далее через Иран, чтобы концентрированным наступлением уничтожить британские позиции.

Поразительные первоначальные германские успехи в приграничных сражениях в России (три группы армий к середине июля, как и предусматривалось, вышли на линию Двина—Днепр), казалось, оправдывали все надежды

на быстрое окончание кампании. 23 июля Гитлер заявил, что еще в этом году дойдет до Волги и вступит на Кавказ. За несколько дней до того руководящие чины ОКХ высказали точку зрения, что Восточная кампания вполне может быть выиграна в течение 14 дней. Количество ежедневно захватываемых пленных, а также число разбитых, по донесениям, русских дивизий давали основание предполагать, что главные силы установленных к тому времени советских дивизий, а именно 200 из них, уничтожены, и потому как максимум лишь под Москвой можно еще раз ожидать более сильного сопротивления. Когда же подошло время отдавать приказы о том, как следует продолжать операцию после достижения первых целей наступления, Браухич и Гальдер предложили сосредоточить все силы только против Москвы, благо боеспособность подвижных соединений еще позволяла применить их для решающей операции и следовало использовать остававшиеся до зимы два месяца — сентябрь и октябрь. ОКХ надеялось, что ему удастся дать последнюю битву на уничтожение у ворот советской столицы, ибо здесь оно справедливо ожидало столкновения с главной частью еще остававшихся у противника боеспособных сил. Как мы сегодня знаем, Советы действительно сосредоточили для обороны Москвы свыше 40% соединений, имевшихся в их распоряжении на всех фронтах.

Но Гитлер придерживался иного взгляда: для него в первую очередь были важны политико-идеологические и военно-экономические цели. На севере он желал захвата Ленинграда, чтобы преградить России выход в Балтийское море и одновременно установить связь с Финляндией по суше, а также для того, чтобы уничтожить этот оплот большевизма; на юге его манили к себе богатые пшеничные поля Украины. К тому же он рассчитывал использовать продвижение на Кавказ в качестве средства давления на нейтральную Турцию, которую он хотел бы видеть участвующей в войне на своей стороне.

Почти 6 недель, как признавал сам Гитлер, длилось принятие этого «самого тяжелого решения» во всей Восточной кампании. 21 августа 1941 года оно было принято вопреки

предложению ОКХ. Основной тон и характер этой директивы давали понять, что Верховный Главнокомандующий вермахта едва ли собирается прислушиваться к советам своего ближайшего военного окружения, если взгляды этого окружения не совпадают с его собственными. «Предложение сухопутных сил о продолжении операций на Востоке от 18.8 не согласуется с моими намерениями. Я приказываю следующее...» — так начинались его высказывания, в которых он назвал Москву последней после Ленинграда, Крыма и Донбасса целью наступления. Это далеко идущее решение еще больше ударило по ОКХ, которое уже с августа с несомненной обескураженностью вынуждено было констатировать, насколько сильно недооценило оно способность Советского Союза к сопротивлению и имеющиеся у того возможности в кадровом, техническом, а также и в политическом отношении. Но понимание этого пришло слишком поздно. Тем не менее Гитлер неоднократно отмахивался от вполне оправданных предостережений Генерального штаба, называя их «пораженчеством», и более не придавал им необходимого значения, ибо полностью полагался на свою собственную способность выносить суждения! Столь категорично он в оперативное ведение войны еще не вмешивался никогда. Например, под Дюнкерком он, как мы уже отмечали, предоставил Рундштедту, командующему группой армий «А», взгляды которого совпадали с его собственными, самому принять последнее решение.

Теперь Гитлер, более чем когда-либо ранее, был полон решимости целиком и полностью взять на себя обязанности «полководца» и вмешиваться в ход операций не только спорадически. Но как объяснить эту его постоянно возраставшую и все более зловещую военную заносчивость? Вероятно, ее следует отнести на счет его отнюдь не малозначительного участия в возникновении знаменитого плана «серпообразного удара», который создал предпосылки для победы на Западе в 1940 г. Вопреки многим утверждениям, сегодня можно констатировать, что Гитлер еще в конце октября 1939 г. в самом узком военном кругу поставил на обсуждение вопрос, не является ли германский план насту-

пления с целью прорыва и окружения южнее линии Мааса, Льежа и Намюра перспективнее, чем ранее выработанный оперативный план, для того чтобы отрезать и уничтожить все, что противник бросит в Бельгию. Итак, здесь впервые прозвучала эта крупная идея, причем за несколько дней до того, как (тогда еще генерал) Манштейн предложил ОКХ свою знаменитую разработку для наступления на Западе, которая с различными модификациями и обеспечила в мае 1940 года военный успех. В это время Гитлер еще сильно зависел от окончательного суждения своих военных советников. Так как его предложение по различным причинам было отклонено, он уступил. Но когда он в феврале 1940 года (минуя официальный путь) узнал о так называемом плане Манштейна, то неожиданно для самого себя обнаружил, в какой большой мере его первоначальная мысль оказалась близка к идее Манштейна, этого признанного гения Генерального штаба.

Гитлер не обладал ни военным опытом, ни соответствующим образованием; среди ведущих умов вермахта он был дилетант. Поначалу он высказывал свои планы большей частью в виде спонтанных экспромтов или как бы случайно в разговоре. Это были молниеносные озарения и в гораздо меньшей степени конкретные предложения, причем не вполне продуманные и не обоснованные до конца. Не владея аргументацией офицера Генерального штаба, он давал полную волю всем своим интуитивным и внезапным мыслям. Импровизационно сказанное им его военные советники должны были облекать в надлежащую форму.

Неоднократно справедливо подчеркивалось, что Гитлер был в военной области кем угодно, но только не глупцом. Способность быстро схватывать суть дела, удивительная память на военные факты и цифры (которые, правда, не всегда выдерживали критическую проверку) и его особенная любовь вникать во все тактические подробности и до последней детали разрабатывать трудные частные или специальные операции — таковы были наиболее бросающиеся в глаза качества этого военного самоучки, который, кстати, неустанно старался освоить самые разные ведения войны.

Едва ли он сознавал четкие границы между чисто тактическими, оперативными и стратегическими соображениями. Ему было не по нраву трезво делать логические выводы, отчего он и к началу войны все еще не мог принимать самостоятельные решения оперативного уровня. В этом он во многом зависел от своих военных сотрудников, из числа которых наиболее сильное, однако до сих пор еще подробно не изученное влияние на его военное мышление и действия оказывал Йодль.

Когда же поход на Запад доказал превосходство германского военного инструмента, в психологии Гитлера произошло глубокое изменение: его все больше стала обуревать безумная идея быть «полководцем», который благодаря своей безошибочной «интуиции» может совершать то же самое, что и высококвалифицированные генералы и генштабисты. Теперь они давно уже не являлись для него неоспоримыми профессиональными авторитетами; наоборот, он испытывал к этим военным специалистам растущее недоверие, почти что презрение. И это должно было вести ко все более роковым последствиям, по мере того как он шаг за шагом продолжал снижать значение ОКХ, этого специально предназначенного для руководства сухопутными войсками органа, и в конце концов фактически отстранил его от командования.

Но обратимся вновь к ведению войны в России. Наступление Гитлера на юге, завершившееся успешной битвой за Киев, снова задержало на несколько недель решающий удар по Москве. После перегруппировки сил 2 октября 1941 года началась операция «Тайфун», на которую ОКХ возлагало столь большие надежды. Шестью армиями наступала группа армий «Центр» под командованием фельдмаршала фон Бока, чтобы захватить столицу Советского Союза, а вместе с тем крупнейший транспортный и железнодорожный узел и нанести Красной Армии последний, уничтожающий удар. Однако ведшиеся до тех пор суровые бои на Востоке оставили уже свои зримые следы: в подвижных частях этой группы армий сохранилось лишь 30—40% их состава. Впервые стало доставлять немалые трудности снабжение

войск, так как пропускная способность железных дорог оставалась намного ниже расчетной. К тому же далеко не все рельсовые пути были перешиты на германскую колею, да и налеты партизанских отрядов мешали функционированию транспорта.

Несмотря на это, сначала казалось, что все идет по желанному пути. Имперский шеф печати Дитрих даже заявил 9 октября 1941 года по радио, что «русский колосс повержен и больше никогда не поднимется». Не успел он это сказать, как факты уличили его во лжи. Начавшийся период распутицы замедлил быстрое продвижение группы армий «Центр», особенно моторизованных соединений, по безнадежно плохим дорогам России и предъявил высочайшие требования к снабжению и обеспечению войск (транспортные колонны были преимущественно колесные, помочь же здесь могли только гусеничные транспортные средства). Хотя советские историки и по сей день недооценивают это обстоятельство, оно явилось важным фактором последующей неудачи. Ведь наступление на Москву на несколько недель увязло в грязи и замедлилось. Между тем Советы получили ценную передышку для обороны Москвы; только в период морозов в середине ноября германским войскам удалось снова значительно продвинуться вперед. К северу от Москвы они приблизились к каналу Москва—Волга (в 30 км севернее столицы). Но теперь немецкие войска, находившиеся в непрерывных боях с июня 1941 года, оказались на пределе своих сил.

В то же самое время на южном участке германо-советского фронта был захвачен Ростов-на-Дону, но его пришлось вскоре снова сдать. На севере наступление тоже успеха не имело: Ленинград отразил все атаки группы армий Лееба. Несмотря на данную 1 декабря 1941 года командующим группой армий «Центр» оценку обстановки как весьма серьезной (на 1000 км линии фронта у него имелась в резерве всего одна дивизия!), Верховное Главнокомандование вермахта, включая и ОКХ, приказало предпринять все для того, чтобы ценой последнего, крайнего напряже-

ния сил достигнуть огромной поставленной цели, даже если войска совершенно выдохнутся.

Но все произошло не так, как надеялись. Наступила суровая русская зима, которая создала величайшие трудности для не подготовленных к таким погодным условиям немецких войск, а также парализовала движение рельсового и колесного транспорта по растянутым на 1500 км коммуникациям. К тому же 5 декабря 1941 года началось первое, неожиданное контрнаступление Красной Армии под Москвой. Незаметно для германской воздушной разведки вражеское Верховное Главнокомандование подтянуло из своих стратегических резервов (особенно из Сибири) сильные, превосходно оснащенные для ведения войны зимой соединения и бросило их в бой, усилив их еще и нерегулярными частями импровизационного характера. Оно было вынуждено сделать это независимо от поведения на русской восточной границе японцев, с которыми в апреле 1941 года был заключен договор о нейтралитете, ибо падение Москвы имело бы не только военные, но и тяжкие психологические последствия для боевой воли собственного народа.

В то время как командование вермахта в процессе этого первого крупного кризиса в ходе войны смогло перебросить на угрожаемый участок фронта до февраля 1942 года всего 9 дивизий из своего резерва (и к тому же как раз в этот момент, ввиду положения на Средиземном море, оказалось вынуждено отправить на Сицилию крупные части 2-го воздушного флота). Красная Армия, по немецким данным, усилила свой Западный фронт 50 пехотными и 17 танковыми дивизиями. Обладая весьма различной боеспособностью, эти дивизии делали под Москвой все, что было в их силах. Первоначально Красная Армия намеревалась остановить далеко продвинувшиеся немецкие передовые соединения и в меньшей степени пыталась разгромить группы армий «Центр»; это намерение появилось у нее только тогда, когда ее операции стали успешно развиваться.

В этой критической ситуации категорический приказ Гитлера от 16 декабря 1941 года оказывать фанатическое

сопротивление и не отступать ни на одну пядь был, как единственный выход из положения, возможно, и оправдан; чисто психологически он, несомненно, возымел свое действие и способствовал тому, чтобы оборонительные бои не превратились в катастрофу. 15 января 1942 года Гитлер по настоянию ОКХ утвердил общее отступление на зимние позиции, которые следовало удерживать, несмотря на все вражеские атаки.

* * *

Так провалился крупный план разгромить Советский Союз за несколько месяцев, чтобы снова со всей силой возобновить борьбу против Англии; конец германских молниеносных кампаний уже обозначился. Еще в 1939 году Гитлер мог с гордостью указывать на свое «деяние, достойное государственного мужа», выразившееся в том, что благодаря ему Германия сражается только на одном фронте; теперь же война на два фронта стала фактом, о котором Геббельс позже заметил в своем дневнике: такая война «рейхом еще никогда не выигрывалась». Сила сопротивления западных союзников и Красной Армии в результате этого первого очевидного поражения германского вермахта значительно возросла, а нимб его «непобедимости» был разрушен. Англия же настоятельно нуждалась в передышке, чтобы ускорить свое вооружение и улучшить боевую подготовку своих соединений.

Недооценка русских пространств, а особенно людских и материальных сил и резервов Советского Союза, была одной из главных причин неудачи Гитлера. К тому же большевистский режим оказался более способным к сопротивлению, чем предполагалось. Разумеется, этой германской неудаче содействовали и необычные климатические условия, а также упорное сопротивление вражеских войск. Советский Союз провозгласил свою борьбу «Великой Отечественной войной» и тем самым пробудил в русском народе все национальные чувства и страстное желание защищать свою Родину; за многие века истории России такой при-

звывая всегда открывал огромные источники силы для борьбы против иностранных интервентов.

Однако здесь следует внести коррективу в широко распространенное заблуждение: военная победа в 1941 году (захват Москвы) вряд ли привела бы к желанному повороту в ходе войны в пользу Германии. Было бы роковым заблуждением говорить здесь об «упущенной возможности». Советы, как это достаточно показали и последующие операции, еще далеко не исчерпали свои человеческие и материальные силы, хотя произошло это в немалой степени и благодаря американской помощи техникой и военными материалами. Но определяющим оставалось то, что Гитлер хотел не только уничтожить военные силы своего противника (законное стремление всех ведущих войну), но и осуществить планы, идущие гораздо дальше. Еще до начала военных действий против СССР он охарактеризовал предстоящую борьбу на Востоке как борьбу ради уничтожения большевизма; он был полон решимости расчленив Россию, беззастенчиво эксплуатировать ее как колониальную территорию и деспотически подавлять «восточных унтерменшен». С этой целью он требовал от немецкого солдата безжалостной твердости, ибо не задача Германии «консервировать» врага. Более того, он требовал отказаться от старого понимания солдатской и боевой чести лишь для того, чтобы еще радикальнее осуществлять в захваченных областях свои собственные замыслы. Учитывая такие безумные военные цели на Востоке, являвшиеся выражением тоталитарной национал-социалистской идеологии, ожидание от противника уступок или предупредительности было совершенно исключено. Идеалы многих добровольцев — испанцев, французов, фламандцев, валлонцев, норвежцев, датчан, хорватов, словенцев, нидерландцев и швейцарцев, считавших, что они борются на стороне стран «оси» за лучший порядок в Европе, подверглись такому же ужасному извращению, как и взгляды старых немецких солдат.

Но Москва означала большую цезуру в германском ведении войны и с другой точки зрения. Как отмечалось выше, Гитлер уже до осени 1941 года неоднократно вмешивал-

ся в ее оперативное ведение, придавая последнему особые акценты. В так называемых директивах фюрера он определял стратегию большей частью в общих рамках, оставляя все же составным частям вермахта относительную свободу действий в их реализации. Теперь же он взял в свои руки все командование, особенно сухопутными войсками, отдавая приказы со всеми подробностями, вплоть до указания многих дивизий и некоторых полков, и ставил перемещения на поле боя в зависимость от своего личного решения; к тому же только он один являлся хозяином сложного и многослойного механизма военного аппарата. Еще до Дюнкерка он лишил власти ОКХ, а отставкой Браухича 19 декабря 1941 года этот процесс был завершен. За несколько дней до того начальник Генерального штаба записал в своем дневнике: «Теперь главнокомандующий сухопутных войск больше даже не почтальон!» Это был потрясающий итог. Гитлер лично принял на себя командование сухопутными войсками, заявив при этом: осуществлять кое-как оперативное командование может каждый, а дело заключается в том, чтобы воспитывать армию в духе национал-социализма. Отныне он деспотически, спонтанно и, по большей части не слушая никаких советов, единолично определял закон ведения войны, не считаясь ни с какими максимами оперативного искусства. Но закат германского Генерального штаба сухопутных войск как командного органа влек за собой катастрофу всей армии.

Правда, критические дни под Москвой сильно потрясли и Гитлера. Но после того как он возложил ответственность за поражение, с одной стороны, на «стихийные силы природы», а с другой — на «генералов во главе с Браухичем», сделав их козлами отпущения, Гитлер очень быстро восстановил свою прежнюю самоуверенность. Теперь он своим руководством должен добиться избавления от того, что, как говорил он Геббельсу, было опошлено постоянным «встреванием генералов в разговор»! И все же был ли Гитлер готов извлечь уроки и сделать выводы из опыта сражения за Москву и заново продумать и взвесить военные воз-

возможности на всех фронтах? Это был вопрос очень важный, от ответа на который зависело многое.

Можно с уверенностью сказать: с кризисом под Москвой он еще раз справился. Хотя его стратегия и потерпела провал, но в свете тех месяцев (и об этом забывают многие критики) речь все же шла меньше о поражении, которое *post festum* становится ясным каждому наблюдателю, чем о неудаче, которая не проникла глубоко в сознание немецкого народа, в частности, и потому, что с декабря 1941 года начались крупные успехи японцев, ловко выдвигаемые на первый план министерством пропаганды. Личная репутация Гитлера как «полководца» осталась неумаленной, а некоторое время спустя и войска на Восточном фронте снова прониклись чувством своего безусловного превосходства.

Но решение исхода войны на Востоке стало в 1942 году еще настоятельнее необходимым, поскольку Гитлер, в своей легкомысленной переоценке японской силы, вместе с Италией в декабре 1941 года объявил войну Соединенным Штатам Америки. Это означало тяжкую психологическую ошибку, хотя в тот момент вступление Америки в войну на стороне Англии было, ввиду взаимной симпатии и тесного союза между обоими народами, неизбежным, а открытый конфликт с США в результате подводной войны теперь давал Германии полную свободу действий. Отныне странам «оси» и их союзникам противостояли 75% населения, промышленности и сырья всего мира.

Германский оперативный план летнего наступления 1942 года позволял сначала предположить, что Гитлер извлек выводы из опыта зимы 1941/42 года. Вместо прежних трех наступательных авангардов (групп армий «Север», «Центр» и «Юг») он хотел создать центр тяжести на южном участке германо-советского фронта: его оперативной целью являлась русская южная граница. На севере следовало взять Ленинград, чтобы наконец установить связь с финнами по суше. С захватом остальной части Украины, Донецкого бассейна и Кавказа Гитлер надеялся заполучить «источники военно-экономической силы» Советского Союза (уголь, железная руда, нефть); на пути туда должна была

быть «окончательно уничтожена еще оставшаяся военная сила» противника! Как сказал Гитлер Геббельсу в одной беседе, он хочет на этот раз своевременно закончить операции и занять «зимние квартиры». При этом он предполагал создать на Востоке гигантскую оборонительную линию («Восточный вал»), чтобы затем приостановить поход на Восток и через Сирию и Египет нанести удар по Англии. Геббельс писал в своих дневниках, что на Востоке дело спокойно может дойти до 100-летней войны, которая не будет доставлять Германии никаких забот: она будет противостоять России, как Англия Индии.

В директиве № 41 от апреля 1942 года Гитлер приказал провести наступление в четыре фазы: взятие Воронежа; уничтожение вражеских сил между Донцом и Доном; захват Сталинграда с взятием в ходе операции противника в клещи с северо-запада (вниз по течению Дона) и с юго-запада (вверх по течению Дона) и, наконец, поворот на Кавказ. Уже для одной такой операции сосредоточенных на южном крыле войск было недостаточно. Кроме того, германские соединения в первые месяцы похода на Россию сильно пострадали; это было видно и из доклада об их состоянии и боеспособности от 30 марта 1942 года. Согласно этому докладу, из 162 действовавших на Восточном фронте дивизий полностью пригодны для предстоящего наступления были только 8; 3 — после кратковременного доукомплектования, а 47 ограниченно пригодны для наступления, причем основная масса могла использоваться в лучшем случае для оборонительных целей. На 16 танковых дивизий приходилось всего лишь 140 боеспособных танков, то есть меньше, чем их необходимо для оснащения одной-единственной танковой дивизии. Но Гитлер был твердо убежден, что на этот раз одолеет судьбу. В то время как был успешно завершен захват Крыма, начавшаяся в конце июня операция («Голубой план») первоначально оправдывала возлагавшиеся на нее ожидания. Она снова побудила Гитлера считать, что русские на пределе своих сил и свои последние резервы они уже ввели в бой под Москвой. Это противоречило оценкам отдела Иностранных армий Востока, который отмечал

возрастающую силу Красной Армии. Советы научились на опыте первого года войны: ловким маневрированием они сумели вывести свои главные силы на своем южном фланге из создававшегося немецкого котла и отвести их на Восток. Это положило начало роковому для немцев ходу событий.

Разногласия между Гитлером и его пока еще остававшимся в своей должности начальником Генерального штаба генерал-полковником Гальдером стали совершенно невыносимы, когда он стал отбрасывать прочь любые советы и неоднократно по своему произволу менять группировку войск их переброской. Гальдер писал 23 июля 1942 года в своем дневнике: «[...] все еще имеющаяся недооценка вражеских возможностей постепенно принимает гротескные формы и становится опасной [...] О серьезной работе не может быть и речи. Болезненное реагирование на мгновенные впечатления и подчеркивание одних только недостатков в оценке руководящего аппарата и его возможностей — вот то, что определяет характер этого так называемого руководства». Сверх того, в своей подписанной в тот же день директиве № 45 Гитлер дал понять, насколько далеко его стратегия отошла от классических принципов ведения войны: вместо первоначально предусмотренных эшелонированных операций он теперь призывает провести расходящееся по направлениям одновременное наступление к Волге и на Кавказ. Тем самым силам, которые к началу летнего наступления занимали фронт протяженностью 800 км, теперь приказывается захватить полосу протяженностью 4100 км (линия границы) и удерживать ее от вражеских атак. Не говоря о трудностях подвоза и снабжения, которые должны были возникнуть вследствие этого, стратегическая цель уже никоим образом не соответствовала наличным средствам. К тому же боевые действия в июле 1942 года доказали, что ни на пути к Волге, ни на Кавказе главные силы советских войск разбить было нельзя.

В этом лежала главная причина позднейшей трагедии 6-й армии. Путь к Сталинграду, сам замысел операции по директиве от 23 июля 1942 года стали роковыми. Хотя оба наступательных крыла в августе—сентябре действова-

ли еще успешно (группа армий «А» 21 августа подняла на Эльбрусе имперский военный флаг, преодолела своими горно-егерскими дивизиями Главный Кавказский хребет и продвинулась на расстояние 30 км до Сухуми, между тем как 6-я армия и 4-я танковая армия пробивались в западную и северную части Сталинграда), они уже находились на крайнем пределе своих возможностей, к тому же не хватало горючего для подвижных соединений. Вместо того чтобы принять решение пожертвовать либо Кавказом, либо Сталинградом, дабы выстоять зимой, заняв укороченную линию фронта, Гитлер и дальше настаивал на овладении и удержании обеих позиций, хотя сам же считал далеко выдвинувшуюся дугу германского фронта на Дону и Волге опасной. Но, как это часто случалось у него, от осознания до вывода, то есть действия, путь был долог. К тому же своей собственной пропагандой, возвестившей 8 ноября 1942 года: «Сталинград уже у нас в руках», он сам лишил себя какой бы то ни было оперативной свободы и свободы принятия решений.

Красная Армия обнаружила слабые места германского фронта на Дону (здесь стояли части союзников — Румынии, Италии и Венгрии) и тщательно провела подготовку операции на окружение. Они так замаскировали свои приготовления, что германское командование (ОКХ) ожидало наступления против группы армий «Центр».

19 ноября 1942 года враг превосходящими силами перешел в контрнаступление севернее и южнее Сталинграда, прорвал линию фронта на участке румынских войск, за пять дней окружил 6-ю армию. Командующий ею генерал Паулюс тотчас же попросил у Гитлера свободы действий, чтобы пробиться со своей армией из котла, но тот отклонил эту просьбу, твердо заверив, что своевременно деблокирует ее, а до тех пор будет снабжать при помощи Люфтваффе; последнее же было делом Геринга, который легкомысленно поручился, что обеспечит снабжение окруженных соединений по воздуху. Главным для Гитлера, как он заявил при обсуждении обстановки новому начальнику Генерального штаба сухопутных войск [Цейтцлеру], был прежде всего

«фанатический принцип» удержать Сталинград во что бы то ни стало, ибо сдать его означало потерять всю технику и город навсегда. А этого он не хотел и не мог сделать хотя бы уже из соображений собственного престижа.

В послевоенное время публицисты неоднократно и крайне резко критиковали Паулюса за то, что тот в первые дни ноября не предпринял прорыва на собственную ответственность, чтобы спасти 6-ю армию. Сколь мало учитывают они тогдашнее положение: ведь вера войск в свои силы еще не была утеряна и до тех пор высшее командование всегда справлялось со всеми кризисами! Кроме того, командование армии в окопах Сталинграда едва ли могло правильно судить, достаточно или нет имеет ОКХ сил для деблокады, а только что назначенный командующим группой армий «Дон» фельдмаршал фон Манштейн пользовался почти легендарным доверием; действия вопреки его решению совершенно выходили за рамки военных соображений командования 6-й армии.

Так и сражалась 6-я армия, заняв круговую оборону и надеясь на деблокаду извне и на снабжение по воздуху. Однако транспортные соединения 8-го авиационного корпуса вместо предусмотренных 300 т могли доставлять в котел ежедневно в среднем не более 90 тонн. Кроме того, соединения армейской группы Гота продвинулись в направлении Сталинграда всего на 48 км, затем они были вынуждены уступить сильному советскому натиску, особенно потому, что критическое положение группы армий «Дон» потребовало перегруппировки сил. 16 декабря Советы прорвали линию фронта и в полосе 8-й итальянской армии, в излучине Дона южнее Воронежа, нанося главный удар на Ростов, чтобы одновременно отрезать группу армий «А» (Кавказ) и группу армий «Дон». Таким образом, Сталинград означал для Манштейна отнюдь не единственную и не последнюю проблему.

Между 19 и 22 декабря 1942 года теоретически еще имелась последняя возможность для командующего 6-й армией, вопреки полученным указаниям, решиться на прорыв. Но Паулюс, воспитанный в духе германского военного

мышления и повиновения, не захотел действовать без приказа вышестоящего командования. Поскольку же оно не могло добиться от Гитлера разрешения на прорыв, Паулюс продолжал держаться в котле. Сегодня едва ли можно в точности судить, имела бы в тот момент перспективу на успех попытка прорыва кольца окружения, тем более что армия обладала незначительными запасами горючего, и что произошло бы тогда с огромным числом раненых. Подавляющее превосходство Советов в силах заставило 6-ю армию в конце января 1943 года капитулировать. Сегодня мы знаем, что Сталинград временами сковывал 7 вражеских армий (66, 62, 64, 57, 2, 65 и 24-ю), насчитывавших более 60 дивизий, которых противнику частично не хватало во время его опасного удара в направлении устья Дона. Таким образом, Манштейн смог остановить вражеский удар и вновь стабилизировать весь Южный фронт, в то время как группа армий «А» (Кавказ) осуществляла основательно подготовленное отступление до Таманского полуострова (западнее Краснодара).

* * *

Сталинград был одной из крупнейших катастроф германской стратегии войны. Но она не являлась единственным и только лишь одним имевшим решающий характер поражением стратегического масштаба. В ноябре союзники высадились крупными силами в Алжире и Марокко; в то же самое время Роммелю пришлось под Эль-Аламейном со всей своей армией неудержимо отступать на запад, и отступление это закончилось в мае 1943 года капитуляцией группы армий «Тунис». Именно эти три события и происшедший весной 1943 года крах германской подводной войны означали в военном отношении поворотный пункт Второй мировой войны. Генерал Йодль, ближайший советник Гитлера, признавал позже, что с этого момента «бог войны» отвернулся от Германии и переместился в другой лагерь. Военными средствами войну было больше не выиграть. Нейтралы и союзники Германии начали теперь все больше терять доверие к гитлеровской стратегии; психологическое

воздействие этих поражений на немецкий народ было значительным. Стало вновь возрастать сопротивление групп дальновидных и сознающих свою ответственность политиков и военных системе, которая и не думала делать необходимые выводы из изменившейся обстановки. Наоборот, она делала все для того, чтобы не закончить войну, даже если для этого придется принести в жертву немецкий народ, превратить Германию, наконец, всю Европу в сплошные руины.

Между тем в тени описанных выше боевых действий находилась с лета 1940 года сначала итальянская, а затем совместная стратегия стран «оси» в Средиземном море. В послевоенные годы об этом написано много верного и отвечающего сути дела, но вместе с тем также много неправильного и неточного. Какие ошибочные решения на этом театре военных действий способствовали военной катастрофе 1945 года? Еще до начала Второй мировой войны Италия ясно осознала, что в случае столкновения с Францией и Англией решающие события произойдут в Северной Африке и потому важно захватить британскую мощную военную крепость Мальту, а если возможно, то и Тунис (чтобы таким образом сохранить жизненно необходимую связь с собственными колониальными территориями). Однако никаких предназначенных для этого приготовлений ею предпринято не было. Поначалу, еще будучи «не ведущей войну», Италия очень скоро почувствовала на себе воздействие британской блокады Германии, когда весной 1940 года столь важная для нее транспортировка немецкого угля морем была объявлена контрабандой. После крайне поспешного вступления в войну Муссолини прежде всего стремился расширить свои позиции на Средиземном море, разрушив «итальянскую тюрьму», стенами которой служили Гибралтар, Суэц и Дарданеллы, а выходами — Корсика, Тунис и Мальта.

В духе «политики разделения оперативных сфер» (Германия ведет войну севернее Альп, а Италия — южнее их) Гитлер полностью доверил борьбу на Средиземном море своему партнеру по «оси», несомненно роковым образом

переоценив при этом итальянские возможности ведения боевых действий. Сюда добавилось еще то, что, несмотря на заключенный в мае 1939 года военный пакт между Германией и Италией, никакие совместные военные цели установлены не были и соответствующие планы обсуждению не подвергались. Это упущение явилось первой фундаментальной ошибкой: вместо того чтобы тщательно координировать свои оперативные мероприятия на суше, на море и в воздухе, политическое руководство обеих сторон старалось сообщать другой стороне ровно столько, сколько требовала дипломатическая вежливость. Так, к примеру, весной 1940 года не удалось скоординировать намеченные наступательные действия против Франции на Рейнском фронте. С одной стороны, преобладало взаимное недоверие, которое для ведения любой коалиционной войны служит зародышем поражения, а с другой — именно Генеральный штаб итальянских вооруженных сил всячески противился вступлению своей страны в войну, ибо считал оснащение и боевую подготовку собственных войск совершенно недостаточными. Однако честолюбивый и стремящийся к самоутверждению Муссолини навязал свою волю генералам, предаваясь тщеславной надежде выиграть войну в кратчайший срок. Вот почему не было проведено никаких оперативных приготовлений для такой кампании, а сами итальянские вооруженные силы, ввиду своей ограниченной боеспособности, оказались не на уровне предъявленных им требований.

Какие представления были свойственны итальянцам в первые месяцы войны, видно из одного высказывания их военного министра в апреле 1940 года: они хотели в «подходящий момент» повести «параллельную войну», однако «не вместе с Германией и не за нее, а за Италию». Это намерение было еще одним тяжким нарушением принципов ведения коалиционной войны. Характерным для этого братства по оружию на высшем уровне было как раз то, что оба главы государства взаимно преподносили друг другу обескураживающие *fait accompli*¹. Гитлер начал с того, что

---

¹ *Fait accompli* — совершившийся факт (фр.).

поставил Италию перед такими свершившимися фактами, как вступление в Прагу, заключение германо-советского пакта в 1939 году, высадка в Норвегии, посылка германской военной миссии в Румынию (итальянский министр иностранных дел хотя и был проинформирован, но, очевидно, не передал эту информацию Муссолини!). То же самое произошло при захвате Крита, а затем, позже, при начале похода на Россию. Вполне понятно, что Муссолини реагировал на это подобным же образом: 18 октября 1940 года он напал на Грецию, не известив об этом предварительно Гитлера. Муссолини верилось, что он сможет применить здесь рецепт «блицкрига» столь же успешно, сколь и его партнер, и это имело непредвиденные последствия.

В июне 1940 года Италия хотя и проявила инициативу в действиях против Мальты (уже 11 июня она впервые подвергла воздушной бомбардировке эту британскую военноморскую базу), но несколько дней спустя итальянское адмиралтейство оценило положение таким образом, что захват острова пока необходимым не является; небольшой радиус действия вражеских торпедоносцев серьезной угрозы для снабжения Ливии морским путем не представляет, да к тому же оно может осуществляться за пределами радиуса действия английской авиации. А потому достаточно парализовать военный потенциал противника блокадой и налетами авиации.

Здесь не место подробно останавливаться на вопросе, возымела бы успех исподволь подготовленная высадка итальянцев на Мальту; ее гарнизон состоял в то время из 5 боеспособных батальонов и одного территориального полка с 3 самолетами. Однако приходилось считаться с решительными действиями франко-британского флота в Средиземном море. Но после Французской кампании соотношение сил изменилось в пользу Италии. Как бы то ни было, в рамках ведения войны на Средиземном море Мальте суждено было оставаться для Италии «стрелой в ее теле», особенно в том случае, если бы англичанам удалось сохранить и укрепить ее как морскую и авиационную крепость, превратив таким образом в центр военных действий про-

тив итальянских коммуникаций. Но именно командование итальянских вооруженных сил с самого начала упустило возможности необходимых энергичных действий.

Однако решающую роль здесь сыграло то, что Муссолини, подозревая германскую сторону в претензии на руководство всеми, в том числе и итальянскими, военными действиями, с октября 1940 года отказывался от предложений Гитлера поддержать его борьбу против Великобритании в Африке посылкой туда танковой дивизии и авиационного корпуса. Таким образом, по политическим причинам первоначально нечего было и думать после окончания наступления на Западе перенести центр тяжести германского ведения войны (скажем, с августа 1940 года) на Средиземное море, как того неоднократно требовали в особенности главнокомандующий военно-морского флота гросс-адмирал Редер, германский адмирал при итальянском адмиральском штабе и начальник германского штаба связи при главнокомандовании итальянских вооруженных сил. В своих отчетах и докладах они подчеркивали, что Италия одна не в состоянии устранить Англию из Средиземного моря; к тому же необходимо крепко удерживать в своих руках Французскую Северную Африку, чтобы создать в ней укрепления на случай вражеских высадок и одновременно усилить морскую войну против британских коммуникаций в Атлантике.

Положение изменилось только тогда, когда Италия после незначительных первоначальных успехов оказалась вынужденной остановить предпринятое по приказу Муссолини, вопреки сопротивлению генералов, наступление на Египет, а затем перейти к обороне и в конечном счете потерпела сокрушительное поражение. К неудаче привела и авантюра в Греции. Кроме того, сильный, но страдавший комплексом неполноценности в отношении английских военно-морских сил итальянский флот получил тяжелый удар при Таренте (ноябрь 1940 года), а затем, в марте 1941 года, пережил у мыса Матапан такое поражение, которое, с одной стороны, заметно изменило соотношение сил на море в пользу Великобритании, а с другой — вынудило